

Четвёртое измерение

Автор:

Илья Ким

Четвёртое измерение

Илья Владимирович Ким

Рассказ покажет читателю привычный мир с совершенно другого ракурса и, возможно, даст ответы на некоторые вопросы. Его главный герой раскрывает в себе невероятные возможности, но ему лишь предстоит понять: данная сила – дар или проклятие?

Четвёртое измерение

Илья Владимирович Ким

© Илья Владимирович Ким, 2020

ISBN 978-5-4498-7962-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Четвертое измерение

Этот рассказ – это дерзость, свобода, мысленный эксперимент... а может, откровение?

В перерыве от основного своего произведения я позволяю себе абсолютную вольность в данных строчках.

Они – событийный взрыв. И некоторые из вас находятся слишком близко к его эпицентру.

Это письмо другу.

Итак. В славном маленьком городе Кинешма...

Письмо первое: Незвонящая тишина

1.

Люди, вот что я хочу вам сказать: вы живёте не в трёх измерениях. Впрочем, это я забегаю вперёд. Вы всё поймёте позже. А сейчас...

Если бы то, что я знаю сейчас, я знал и понимал в восьмилетнем возрасте, вероятнее всего, мне удалось бы каким-нибудь образом спасти своих родителей. Вытащить их из горящей – а точнее догорающей, – квартиры на пятом этаже по улице Социалистической. Этот дом впоследствии снесли. Последнее напоминание того рокового дня стёрто с лица земли. Ах, если бы я знал. Если бы я понимал...

Они выбросили меня из окна, навстречу пожарным и жильцам, готовым поймать меня с помощью специального полотна. До сих пор не знаю его названия, хотя из чувства благодарности мог бы и поинтересоваться.

Разумеется, мягкой посадки не случилось. Но я приземлился целым и невредимым. Я пребывал в таком шоке, в котором обычно восьмилетние мальчишки никогда не пребывают. Да чего уж там, не каждый взрослый в своей жизни сталкивается с подобным ошеломлением. Звуки исчезли, словно кто-то выкрутил регулятор громкости на ноль. Все стояли замерев, глядя наверх, указывая в окно, а из него вырывались острые языки пламени. А я, восьмилетний пацан, весь в слезах, кричу, разрывая глотку, да только не слышу собственного голоса. Я умолял их помочь моим родителям. А они все просто стояли. И только много лет спустя я понял, что тогда происходило. Но вы подождите, я всё объясню, а пока ещё не время.

– Заведи кота.

За вечер она повторяла эти слова много раз. Говорила мне, чтобы я завёл кота, дескать, будет кого любить. Чтобы в моей пустой квартире не оставалась более эта звенящая тишина, о которой я рассказывал ей в нашу прошлую встречу; с того момента, кстати говоря, прошло почти два месяца. Да, видимся мы не так часто, как хотелось бы.

Мэри, милая девушка с выразительным взглядом, чей небольшой рост придавал ей ещё больше милости. Наше с ней знакомство, как и многие вещи, происходящие в жизни, – это следствие случайного совпадения.

– Заведи кота.

Она говорила это на бульваре, на остановке и даже в маршрутке. А я всё отнекивался. Своими яркими зелёными глазами она смотрела на меня, наверное, как на дурака. Всё время поправляла каштановые волосы, подстриженные под каре.

А хочу ли я любви на самом деле? Вот уж не знаю. По её словам, я закрылся ото всех, заперся глубоко внутри своей зоны комфорта. И мне в ней хорошо. Одиноко, но хорошо.

Мы в тот вечер много болтали в кофейне на Малой Покровской. Это уютное местечко на пересечении улиц Ленина и Фрунзе. Внутри горит тёплый свет, а между мягкими диванчиками стоят книжные полки.

Мы болтали о книгах, о писательстве и о том, как на всё чертовски не хватает времени. К слову, оно за чашкой кофе пролетело незаметно. Я запомню этот вечер, как вечер вкусного, но недостаточно сладкого кофе.

Наш разговор плавно перетекал с темы на тему. В какой-то момент, мы стали обсуждать то, с чем я сталкиваюсь каждый раз, когда прихожу домой. Иначе сказать, она начала копать во мне. Неплохо для второго вечера за всё время знакомства. Отнюдь, я не противился. Простая беседа превратилась в сеанс психолога. Я произносил вслух то, чего раньше, кажется, никогда не говорил никому. Подумал, что если выскажусь, вынесу все свои мысли наружу, то смогу не только услышать мнение со стороны, но и сам сумею взглянуть на себя и на эти мысли.

Взглянул. Как и прежде, я увидел в себе само воплощение эгоизма. Я давно это понял. Как-то я даже сказал: «Я – сраный эгоист». При этом, я не находился в опьянении или в отчаянии, ничуть.

То, что я застрял глубоко в зоне комфорта, в одиночестве и тишине, мне также давно известно.

– Заведи кота.

Она утверждала, что нужно в кои-то веки выйти из круга, сделать хоть что-то не обыденное. Она приводила столько доводов и аргументов в пользу кота, что казалось, согласись я, она в тот же миг достанет из своей маленькой сумочки котёнка и вручит мне. Но я всё не соглашался. Не подумайте, я не боюсь ответственности, не боюсь заботиться о ком-то. Я перерос эти страхи. Возможно, перерос и необходимость испытывать такие чувства. Об этом я ей не сказал. Но сказал другую глупость:

– Я уже однажды любил без взаимности. Теперь пришла моя очередь быть любимым.

Был уже поздний вечер. Я провожал её до дома. Мы шли по тихому и пустому двору. Мало в каких окнах горел свет.

Мэри громко засмеялась и в её смехе я слышал огорчение:

– Тогда заведи собаку, – сказала она сквозь смех.

Иначе, как она рассуждала, стану я знаменитым писателем, буду получать гонорары, но кому я буду нужен? И вот тогда-то, преисполненный одиночеством, я заведу кота.

А ещё она сказала, чтобы придя домой, я прислушался к этой звенящей тишине и воспринял её не как признак свободы, а как симптом заточения.

Какой интерес я представлял для неё, мне трудно сказать. Тем не менее, я был рад увидеться с ней. Нечасто я встречаю таких людей. Таких, рядом с которыми можно просто... быть собой.

Мэри, надеюсь, я смогу узнать тебя лучше.

Позже, проводив её домой, в голове возникла запоздалая мысль. Всю дорогу до своей квартиры я держал её и не отпускал.

Я шёл домой под музыку в наушниках. В моём телефоне много треков из жанра эмбиент. И вот я поднимаюсь на свой этаж, открываю чёрную стальную дверь, предательски скрипящую в тишине. Захожу в переднюю и...

На самом деле ничего не происходит. Я раздеваюсь, включаю электрический чайник. Он вскоре разбавляет эту тишину своим шипением. И пока закипает вода, я включил компьютер, зашёл во «Вконтакте» и написал ей ту самую мысль.

«Пойми меня правильно сейчас. Сама наша встреча сегодня – это для меня небольшой выход из зоны комфорта».

«Я рада, что хоть что-то способно вывести тебя из неё», – ответила она.

Я слегка улыбнулся и хмыкнул, глядя в монитор.

Чайник выключился с отчетливым щелчком, раздавшимся по всей квартире. Я пошёл к нему и заварил себе большую пол-литровую кружку кофе с молоком. Добавил в неё столько сахара, сколько пожелал.

Не суждено мне было выпить этот кофе.

Казалось бы, человек, живущий в своей квартире достаточно долго, и всё это время не делавший перестановку мебели, должен знать каждый уголок. Но каким-то невероятным образом мне удаётся задеть ножку (точнее даже ногу) массивного раскладного стола, который стоял тут, между дверью и диваном, с самого моего заселения.

Я ощутил, как выпучились от испуга мои глаза. Испугался я за белый ворсистый ковёр. Обычно я всегда осторожничаю, проходя по нему с тарелками еды или кружками. Всегда ловил себя на мысли, что однажды я таки пролью что-нибудь на него.

Вот и настал этот момент.

Жар пронёсся по груди от прилива адреналина.

Всё вокруг замерло...

То есть на самом деле. Всё замерло. Всё остановилось. Само время остановилось.

Наступила та самая незвонящая тишина.

2.

Итак, с вашего позволения, я продолжу то, на чём остановился.

Первые несколько дней после трагедии оказались для меня сущим адом. Меня увезли в больницу. Я просыпался и начинал истерически рыдать, осознавая, что произошло. Врачи старались не говорить со мной об этом, но я слышал их голоса за дверью палаты и всё становилось на свои места. Во мне не находилось достаточно сил, чтобы оставаться в сознании надолго. А может, мне давали сильное успокоительное. Ведь иначе я мог сойти с ума.

Когда моё состояние стабилизировалось, ко мне пришли строго выглядящие люди. Это были представители органов опеки. Я их и видеть не хотел, сами

подумайте. Вполне известно, чего они ждали от меня. Я же от них – вообще ничего. Я переживал настоящий кошмар, от каких обычно хочется скорее проснуться. Правда заключалась в том, что этот кошмар происходил в реальности, а из неё уже некуда просыпаться.

Минуя всю эту бюрократию, скажу по-простому: моим опекуном стала старшая сестра мамы. Нет сомнений, она хороший человек. Со своими заморочками, куда без них. Мы жили дружно, как настоящая семья. Её сын, мой двоюродный брат, жил со своей семьёй где-то в Сибири. А муж ушёл на покой давным давно.

Пролетали годы, я ко всему привык и даже научился видеть что-то хорошее в этом мире. Даже тогда, когда вокруг бегали сверстники, не обделенные родительским воспитанием и любовью. Нет-нет, не подумайте, моя тётушка, к слову, Алиса Алексеевна, любила меня, и давала мне всё, что только могла. И я её любил. Но это... не совсем то. Другое.

Я умею ценить то, что люди делают для меня. Но похоже, внешне я это проявляю весьма слабо. Так уж получилось, что я скуп на эмоции. Если конкретнее, то чувство жалости и сострадания – точно не моя стезя. Очевидно, я могу похлопать по плечу и сказать что-то вроде «ну, ну, всё хорошо». Правда, выглядеть это будет совсем не искренне. Вместо подобных вещей у меня лучше получается найти решение той или иной проблемы (или хотя бы попытаться найти). И я всегда стараюсь смотреть на вещи с объективной точки зрения, непредвзято. Прагматик? Не знаю.

В общем, я рос обычным молодым человеком, насколько это возможно в моём положении. Жизнь дала под дых ещё на первых уровнях её прохождения. Я не сдался.

Судьба уготовила мне ещё один удар. К счастью, мне уже давно не восемь, так что я более-менее готов принять его.

Представьте: мне вот-вот должно исполниться двадцать лет. Я вырос, возмужал, обрёл нелепую щетину на лице. Тётушка Алиса не молодеда, разумеется. Теперь я заботился о ней, в знак бесконечной благодарности за всё, что она делала для меня. Я жил вместе с ней, старался не оставлять её. Она уже с трудом ходила, редко выбиралась на улицу, чтобы просто посидеть во дворе. В той трёхкомнатной квартире годами ничего не менялось. Я предлагал ей сделать

ремонт, сменить обои. Она ни в какую не хотела:

– Всё равно потом квартиру продавать, – говорила она и отмахивалась. – Сашка, брат твой, давно здесь не живёт. А тебе эта дыра ни к чему, я думаю. А деньги с продажи пополам разделите.

Сашка приезжал крайне редко, но часто звонил. Присылал деньги. Всегда спрашивал у меня, нужно ли что-то ещё. Я старался его зря не беспокоить. У него своя семья, жена, детки.

И вот в обычный такой день я возвращаюсь из магазина домой и вижу Алису на кухне.

Она лежит без сознания на полу, в совершенно некрасивой позе безо всякой грации.

Пакеты из рук выпали. Я и сам согласился бы провалиться сквозь землю, лишь бы не видеть этого. Хотелось верить во что угодно, но только не в то, что я видел собственными глазами.

Я бросился к ней, позабыв обо всём. Приподнял её хрупкое тело и попытался привести в чувства. Звал её и тихонько тряс. Она не отзывалась и не подавала признаков жизни.

В её запястье я кое-как нащупал слабый пульс. Выдохнул: жива.

Руки дрожали. Тряслись. И в груди давило, будто кто-то на меня камень положил. Я достал телефон. Дважды уронил его на пол прежде, чем сумел открыть панель набора номера. Вызвал скорую, объяснил ситуацию так, как только мог. Женщина на той стороне сказала, что машина скоро выедет. Оставалось ждать. Но было ли на это время?

Нет. Времени не было.

Точнее, его не стало.

Понимаете, я находился в таком сомнительном состоянии, в каком нормально оценивать обстановку не представляется возможным. И то, что происходило вокруг, я практически не мог воспринимать здраво, полагая, что это шок.

Поначалу я, конечно же, ничего не понял. Как и ты, дорогой читатель, ничего не понимаешь сейчас. Не беспокойся, я всё подробно опишу.

Я взглянул на часы, висящие в стороне от окна. Они показывали верное время, но стрелки на них не двигались. Я ещё тогда подумал: «Неужели это такое совпадение, что батарейки на них сели именно сейчас?» Разумеется, это не так.

– Спокойно, спокойно, не впадай в панику, – пытался я сказать сам себе. Но я не слышал даже собственного голоса. Он звучал где-то внутри, прямым внутри моего организма, но он не раздавался в ушах. Я понял, что вообще не слышу никаких звуков. Как будто я залил себе в уши воды, а потом ещё и заткнул их ватой. Я постарался выровнять дыхание, но даже один спокойный вдох дался мне невероятно тяжело. Возможно те, кто хоть когда-то надевал противогаз, поймёт, каким испытанием может стать каждый вдох. Если мне выдали противогаз, то это оказался самый испорченный противогаз с самым забитым фильтром. К тому же, у меня, видимо, ещё и заложило нос. Едва не началась паническая атака. Но я смог совладать с собой. Путём грандиозного умственного усилия – смог.

Я нашёл в комнате Алисы её документы, потом вернулся на кухню, взял её на руки и удивился, насколько же она легкая, как пушинка. Она, конечно, хрупкая женщина, ничего не скажешь. Но такой лёгкости я не ожидал.

По какой-то неизвестной мне причине, я решил выйти на улицу с Алисой в руках. Совершенно позабыв о всяких правилах, в числе которых – проверить, выключена ли плита, духовой шкаф, электроприборы. Что уж там, я даже не думал о том, что нужно запереть дверь квартиры. Я просто вышел на улицу.

Не было ни звуков, ни ветра. Стоял солнечный июньский день. Дети играли на площадке, соседи гуляли неподалёку.

Стоп. Я осмотрелся. Люди вокруг, соседские кошки и даже птицы над головой...

Все они замерли на месте. В таких разных, порой причудливых и смешных позах. Птицы висели в воздухе с распахнутыми крыльями. Одна из кошек, нападавая на галчонка, застыла в прыжке, тогда как её жертва только-только собиралась оторваться от земли.

«Что происходит? – спросил я про себя. – Это сон? Галлюцинации?»

Я осмелился и совершил рискованное действие.

Я отпустил тётушку. Зажмурился, боясь что она упадёт. Она так же застыла точно в том местоположении, где я держал её.

Сознание расплывалось, я всё пытался наладить приток кислорода в организм. Воздух больше походил на невидимый кисель. Я обошёл Алису вокруг. Попытался понять; что-то не так со мной или всё-таки с этим миром?

Вернулся на исходную. Прижал к себе практически невесомую тётушку, последнего родного человека, находящегося на волоске от смерти. И ужаснулся. Моя рука легла на её запястье. Пульса не нет. Ноги мои ослабли и подкосились. Никогда бы не подумал, что буду ощущать себя таким ничтожным.

Но некая искорка разума просочилась в мою голову через весь этот сумбур. Она подарила мне верный ход мыслей:

«Весь мир сейчас встал на паузу. Время застыло, как и всё вокруг, кроме меня самого. И если это так, то отсутствие пульса у Алисы ещё ничего не значит».

Мне оставалось только одно – принять эти правила. Более того, стоит отметить, что они играли не против меня.

Жизнь самого близкого мне человека зависела от меня. Поэтому я пошёл в ближайшую больницу. Невзирая ни на что.

Я шёл мимо застывших людей и машин, по-видимому, некогда спешащих по своим делам. В глазах прохожих я не видел ничего особенного. Они и не подозревали, что я прохожу мимо. Идти, кстати, тоже оказалось нелегко. Не из-за Алисы. Повторюсь, она весила меньше пушинки. И я даже не нёс её,

а скорее толкал вперед по воздуху. Этот воздух, как же он дьявольски тяжёл. И эти несколько сотен метров до ближайшего пункта скорой помощи оказались самыми трудными в моей жизни. Среди прочего ещё и потому, что я не знал, когда закончится пауза. Я боялся, что это произойдёт в самый неподходящий момент. Смотрел по сторонам и видел только этот замерший мир. Я думал только об одном: помочь любимой тётушке во что бы то ни стало. Под конец пути я начал слышать всё, что происходило внутри меня: как ударяются ступни, как скрипят мышцы, как протекает кровь в моих жилах, как бьётся сердце. И ничего более я не слышал, будто находясь в вакууме.

До станции скорой помощи оставалось совсем немного. Вот она, через дорогу, за невысокой железной оградой. Я подошёл к калитке, открыл её. Заметил, к слову, что как только я перестаю двигать предметы, они вновь замирают на месте, безо всякой инерции.

Едва я поднялся на ступеньки крыльца, течение времени возобновилось. Процесс возврата неопишимо жуткий. Заложенные уши вновь стали слышать. Первое, что я услышал, это пронзительный щелчок, как если бы над головой пролетел истребитель, преодолевший звуковой барьер. Окружающие звуки, пение птиц, шум ветра, гул машин и прочее – всё вернулось. Всё, что до этого оставалось неподвижно, вновь пришло в движение, да так внезапно, что я даже испугался. Раздался не пойми откуда взявшийся гром. Но он исходил не сверху, над головой не пролетало ни облачка. Гром нагрянул под ногами и позади. Там, где я шёл.

Звуки оглушили меня. Но для всех остальных ничего не произошло. Никто не обратил внимания ни на щелчок, ни на громыхание.

Алиса упала на мои руки и я наконец ощутил её реальный вес (всё равно как пушинка). В её запястье снова забил пульс, но он был весьма слабый.

Я вошел в двери станции. В коридоре стояли медсёстры и фельдшеры. Они взглянули на меня с долей недоумения.

От меня они слышали лишь одно:

– Помогите.

3.

На станции тётушке оказали первую помощь, затем срочно отвезли в больницу. На меня смотрели с неким подозрением. Оно и понятно, я появился из ниоткуда с человеком в руках. Пришлось выдумать историю о том, что я якобы встретил её на улице и ей вдруг стало плохо, произошло это всё неподалёку от станции, поэтому я принёс её сам. Врачи вроде как поверили.

До конца дня я просидел в коридоре кардиологического отделения. Смотрел на замызанную белую плитку под собой. Вдыхал лёгкий, но пропахший хлоркой и перекисью водорода воздух. Люди проходили мимо, а я сидел, как статуя, застывший на месте.

Когда ко мне подошёл врач, мужчина светлой наружности, скромный по фигуре, уставший, но всё ещё с благородным взглядом, сердце моё застучало адски. Я боялся услышать то, что он может сказать. Страх отпечатался на моём лице и он это заметил. Он улыбнулся и успокоил меня:

- Не переживайте. Всё хорошо.

Мы обсудили состояние пациентки. Врач отметил, что приведи я её минутой позже, всё могло кончиться иначе. Повезло. Теперь, по его словам, всё наладится, но без тщательного обследования домой она не поедет.

Да уж, ещё как повезло. Даже не знаю, кого отблагодарить за возникшую ситуацию.

Напросившись в палату к тётке, я отбросил всякие думы на потом. Я увидел её побледневшее лицо, впадины под глазами, тонкие руки. На душе стало горько.

Я рассказал ей ту же историю, что и врачам.

- Видать, вышла на прогулку, да солнце напекло. Вот ведь дура старая, - пробурчала она на саму себя.

Затем пришла пора звонить её сыну и сообщать недобрые вести. Руки вспотели, когда я смотрел на экран телефона с открытой телефонной книжкой. Как

сказать о таком, вот как?

Проглотив застрявший в горле ком, я просто нажал на кнопку вызова. Гудки звучали издевательски долго.

«Может, оно и к лучшему, если он не ответит», – подумал я, но сбрасывать вызов раньше времени не стал.

Сашка всё-таки ответил. О разнице в часовых поясах я вспомнил только услышав его помятый сонный голос. Отступать было уже поздно.

– Саша, мама твоя... она в больнице, – так я и начал, стараясь сокращать молчание между словами и в то же время произносить их доходчиво и чётко.

Я рассказал, что случилось. Он подолгу молчал, вздыхал, кряхтел. Я слышал, ощущал через телефон, что он не знает, что сказать, поэтому я продолжал говорить сам. Я рассказал, что сейчас состояние Алисы стабильное и прогноз благоприятный.

Сашка собрался с духом и ответил твёрдо:

– Выезжаю завтра вечером. Буду у вас на утро.

На том и решили. Разумеется, никто не позволил бы мне остаться в больнице на ночь, поэтому я отправился домой. Над головой затухало рыжее небо. Солнце опускалось к Волге. Я проходил по Никольскому мосту, это небольшой мост в центральном районе города. В десятке метров над водной гладью я начал перекапывать мысли и пытаться сообразить, что сегодня вообще произошло.

Несколькими часами ранее мир вокруг меня непонятным образом замер. Все люди, животные и вообще всё, что находилось в движении – застыло. И по неизвестной причине я оказался единственным, способным находиться в этой системе. И это происходило по-настоящему. Здесь и сейчас я иду из больницы, где лежит Алиса. Я привёл её на станцию скорой помощи. Я сделал это, когда мир вокруг был застывшим. Её спасение – доказательство того, что это реальность.

Но как? Почему? И что самое главное – произойдёт ли это снова?

На эти вопросы мне ещё только предстояло найти ответ. Я слишком устал в тот день, чтобы копаться в мыслях.

С этой усталостью я просто шёл пешком до дома. Плёлся. По дороге проезжали машины, мимо проходили люди. Где-то вдалеке играла музыка. На бульваре гуляла молодёжь. Мир находился в обычном своём состоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kim_il-ya/chetvertoe-izmerenie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)